
УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

О. Л. ЯРЕМЕНКО,
профессор, доктор экономических наук,
завсектором институциональной экономики
ГУ “Институт экономики
и прогнозирования НАН Украины”,
ул. Панаса Мирного, 26, 01011, Киев, Украина

OLEH YAREMENKO,
Professor, Doctor of Econ, Sci.,
Head of the Sector of Institutional Economics,
Institute for Economics
and Forecasting of the NAS of Ukraine,
26, Panasa Myrnoho St., Kyiv, 01011, Ukraine

УДК 338.24.021.8

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Охарактеризовано влияние институциональных реформ на текущую и долгосрочную эффективность хозяйственных систем. Показано, что в период интенсивных реформ страна теряет часть своего институционального иммунитета, становится аномально открытой для внешних деструктивных воздействий. Доказано, что во время реформ происходит рост социальной энтропии, а наибольшим риском экзогенных изменений являются разрушение идентичности и потеря субъектности.

Ключевые слова: институциональные реформы; рыночный фундаментализм; презумпция эффективности; ценностная идентичность; экономический суверенитет; экзогенизация развития.

Библ. 17; табл. 1.

UDC 338.24.021.8

CONTROVERSIAL INFLUENCE OF INSTITUTIONAL REFORMS ON THE FUNCTIONING OF THE ECONOMY

The influence of institutional reforms on the current and long-term effectiveness of economic systems is characterized. It is shown that during the period of intensive reforms a country loses part of its institutional immunity and becomes abnormally open to external destructive impacts. It is proved that during the reforms there is an increase in social entropy and the greatest risk of exogenous changes is the destruction of identity and the loss of subjectivity.

Keywords: institutional reforms; market fundamentalism; presumption of efficiency; value identity; economic sovereignty; exogenization of development.

References 17; Table 1.

© Яременко Олег Леонидович (Yaremchenko Oleh), 2018; e-mail: yaremchenkooleg2@gmail.com.

Общее количество институциональных реформ, проводившихся в экономике Украины за годы независимости, предостаточно. Однако общие результаты этих реформ неудовлетворительны. Обычно причины низкой эффективности институциональных реформ в Украине связывают с непоследовательностью действий власти, ее коррумпированностью, сильными реликтами патернализма в отношениях между обществом и государством, то есть с внешними к содержанию самих реформ обстоятельствами. В то же время невозможно не заметить, что такие же особенности среды имели место во многих странах, которые активно внедряли собственные рыночные реформы и смогли выйти на траекторию более-менее устойчивого социально-экономического развития. Возможно, дело не только в среде, а еще и в самих реформах как таковых?

Реформы влияют на эффективность экономики через механизмы мобильности ресурсов, ожиданий, доверия, динамики теневого сектора и коррупции, степени экономической свободы и общей инновационной способности экономики. Характер и содержание этих влияний противоречивы и порой неопределенны. Поэтому, планируя “очередную волну” реформ, имеет смысл учитывать специфические особенности связи изменений в институциональной среде с процессами функционирования и развития экономики.

До недавнего времени наибольшее внимание при теоретическом анализе реформ уделялось трансформационным процессам в странах, формирующих экономику и приспособляющихся к условиям глобального сотрудничества и конкуренции. Известные труды таких авторов, как К. Перес [1], А. Алезина [2], М. Близ [3], Д. Норт [4], Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [5], Ф. Каселли и Н. Дженнайоли [6], посвящены анализу институциональных изменений с точки зрения универсальных критериев экономической эффективности и исторического успеха, которые сегодня демонстрируют не только страны Запада, но и наиболее успешные страны Востока и Юга. Неявной предпосылкой такого подхода является понимание глобализации как неизбежной унификации на основе конкурентного отбора наиболее эффективных форм институционального устройства: что было залогом получения желаемых результатов в одних странах, может вывести на путь устойчивого развития другие государства. В то же время неизбежность положительной унификации в условиях формирования глобального технологического, рыночного и социокультурного пространства определила первичность институционального подчинения реформ в отставших странах лучшим существующим образцам. Особенно в этом плане выделяются фундаментальные сравнительные исследования Д. Аджемоглу, который предложил четкие критерии и направления институциональных реформ в развивающихся странах.

Однако после кризиса 2008–2009 гг. и Великой рецессии стало ясно, что наличие фундаментальных институциональных проблем не является монополией отсталых стран. Безусловная эффективность тотальной открытости национальных экономик и либерализации глобальной торговли была поставлена под сомнение. Все сильнее проявляет себя альтернативная модель глобализации на основе экономического суверенитета, которая иначе ставит вопрос поиска источников экономического развития. С тех пор активизируются исследования проблем институциональных изменений и реформ в развитых странах. Справедливости ради стоит отметить, что историческая институциональная традиция никогда не игнорировала роль специфических условий развития отдельных стран в построении эффективных институтов, определяя необходимость привязки “трансплантированных” институтов к местным ценностно-институциональным структурам. На это в свое время обратил внимание Д. Родрик [7], который обнаружил противоречивость и ограниченную эффективность модели глобализации как процесса всеохватывающей стандартизации.

В чем-то близки этой позиции и взгляды П. Холла [8], который зафиксировал присутствие в процессах институциональных изменений факторов, не идентифицирующихся в рамках рациональной модели институционального развития. В этих и других работах анализируются альтернативность реформ, институциональные адаптации и изменения в формах реализации власти, отмечается положительный смысл разнообразия моделей институционального устройства глобальной экономики.

В этом контексте интерес представляет труд английских исследователей “Политическая экономия политической нестабильности и институциональных реформ” [9], в котором представлен развернутый анализ границ и рисков институциональной инженерии в реформировании экономики с учетом исторических тенденций развития общества и государства. При этом в современной теории и практике почти отсутствует глубокое рассмотрение противоречивых влияний реформ на функционирование экономической системы в условиях сдвигов в критериях и целях глобального развития. По нашему мнению, уместно начать изучение этих процессов с учетом определенной исключительности экономики Украины как пространства “непрерывных реформ” на протяжении 26 лет.

Таким образом, **цель статьи** – теоретически исследовать влияния институциональных реформ на эффективность и устойчивость экономики в контексте ее эволюционных изменений с учетом тенденций усиления неопределенности цивилизационного развития.

Реформы как объект исследования. Общими моментами исследования реформ, которые обычно выносятся за скобки теоретического анализа, являются следующие: субъект реформ, объект, ответственность и полномочия в специфической социальной сфере реформирования; время реформирования и его соотношение с историческими институциональными ритмами хозяйственной системы; риски реформирования как такового; динамика социальной энтропии в процессе реформирования. В условиях падающей эффективности массовых реформ возврат этих моментов в рамки непосредственного предмета исследования может помочь обнаружить критические точки современных концепций и практик реформирования экономики.

Как в свое время отмечалось в экономической литературе [10], обычно реформам предшествует критический рост неопределенности, проявлением которой служат массовые институциональные, рыночные и технологические деструкции. Социально-экономическая неопределенность трактуется как отсутствие существенной и жизненно необходимой информации для принятия решений. Уязвимым местом такой трактовки является априорное допущение о безусловном наличии субъекта (субъектов), который может принимать решения на основе определенных информационных процедур и нести ответственность за их последствия. Однако современная ситуация десубъективизации хозяйственных систем из-за отказа от ответственности * не может рассматриваться как нехватка информации в буквальном смысле, но по прямым и косвенным признакам она свидетельствует об усилении эндогенной и экзогенной неопределенности в экономике. Такие разрывы, деструкции и проблемы почти невозможно преодолеть в рамках старой системы правил, фактического распределения полномочий и ответственности участников хозяйственной системы, поскольку ни один из субъектов не считает деструкции относящимися к сфере его ответственности и полномочий.

* Примерами служат явления анонимной экономической или информационной власти, отсутствие надлежащих институциональных механизмов ответственности международных финансовых институтов, включая МВФ, ФАТФ и международные рейтинговые агентства, использование финансовых инноваций для максимального переноса рисков и ответственности на третьих лиц, злоупотребление институтом кредитора последней инстанции.

В административно-командной экономике советского типа такая проблема решалась очень просто: создавалось новое министерство или главк, которые должны были отвечать именно за эту проблему. В условиях вынужденной полукрытости советской экономики количество проблем росло в геометрической прогрессии, что закономерно порождало настоящий бюрократический хаос в СССР в последние десятилетия его существования. К счастью, в современной Украине такой способ адаптации к изменениям в среде невозможен как в силу конкурентно-демократических процедур функционирования государственного организма в условиях распределения власти, так и в силу давления со стороны внешних инстанций.

Влияние институциональных реформ на функционирование экономических систем неоднозначно. Современная история дает достаточно примеров безусловно успешных реформ (Китай, Сингапур); реформ, успешных в целом (Чехия, Польша, Восточная Германия); реформ, не оправдавших ожидания (Болгария, Румыния); реформ, скорее, неуспешных, чем успешных (Россия); реформ провальных (Аргентина). Иногда бывает так, что реформа определяется как ошибочная, неуспешная, о ней пытаются забыть, но через какое-то время оказывается, что ее среднесрочные последствия позитивны.

По нашему мнению, проблема в том, что реформы оцениваются с позиций самих реформаторов, имеющих более или менее четкие критерии успеха целенаправленных изменений и оценивающих результаты в соответствии с ними. Уже в этом кроется существенная гносеологическая проблема: является ли такой реформатор внешним наблюдателем, или он наблюдает за процессом и его результатами изнутри объекта изменений. Этот момент очень важен. То, что для внешнего наблюдателя — незначительные детали, для непосредственного участника функционирования и развития именно этой хозяйственной системы, погруженного в исторический и социальный контекст конкретной страны, может иметь совершенно иную ценность. Это имеет принципиальное значение для принятия решений по дальнейшему движению: следует ли стремительно преодолевать сопротивление консервативных субъектов, или стоит искать возможности их вовлечения в новые институциональные условия воспроизводства экономики и социальной системы. Быстрые и устойчивые результаты реформ порой находятся в разных плоскостях общественного развития.

В основе современного подхода к предмету и целям реформ уже много лет лежит принцип “презумпции эффективности” либерального порядка, фундамент которого был заложен классической политической экономией. Иногда соответствующую модель экономики определяют как порядок, основанный на правилах [11], в отличие от порядка, базирующегося на прямом и (или) скрытом вмешательстве власти в деятельность экономических агентов. В каноническом виде принцип презумпции эффективности свободной конкуренции был обоснован в трудах Ф. Хайека и других представителей неоллиберализма, которые, признавая несовершенство такого порядка, в качестве решающего его преимущества называли способность генерировать, передавать, обрабатывать и использовать почти бесконечные объемы информации для координации и интеграции деятельности свободных в своих решениях экономических субъектов. Сущность модели *laissez faire* как мировоззренческого принципа реформ можно трактовать следующим образом: государство создает условия использования творческого хаоса экономической свободы, столкновений, конфликтов и конкуренции в жестких рамках институтов в общественных целях.

Долгое время внутренние недостатки такой модели — социальное неравенство, разрушительные кризисы, короткие горизонты решений, генерирование монополистических структур и усиление их экономической власти — считались относительно небольшой платой за ее эффективность и гибкость. Однако системные кри-

зисы последних 20 лет поставили под сомнение универсальную эффективность либерального порядка в экономике, обществе и формировании глобального строя.

Против либеральной идеологии реформ сработало несколько факторов. С одной стороны, достаточно часто успеха добивались азиатские страны с авторитарным общественным строем и большим участием государства в экономическом развитии. С другой, в рамках западного экономического и идеологического истеблишмента под давлением расхождений между реальностью и теорией выросло осознание необходимости поиска альтернатив вне идеологии *laissez faire*. Дж. Сорос в работе “Кризис мирового капитализма” [12] отмечал, что большинство людей, верящих в чудеса рынка и неограниченной конкуренции, не говорят по-французски. По его мнению, более адекватным французскому *laissez faire* является английское *market fundamentalism*. Именно этот рыночный фундаментализм и сделал систему мирового капитализма ненадежной. Дж. Сорос опроверг детерминированную связь между рыночной системой и общественной свободой, считая рыночный фундаментализм искажением открытого общества. По его мнению, рынок нуждается в ограничении силой коллективных решений. Это является единственным адекватным способом обеспечения интересов общества.

В подходе Сороса обращают на себя внимание несколько деталей. Он считает, что в случае принятия коллективных решений мы должны ставить общие интересы выше эгоистических [12]. Главными являются два слова: первое – “мы” и второе – “должны”. Кто это – мы? И почему должны? Если мы – это люди с одинаковыми ценностями и одинаковым видением актуальных и долгосрочных целей общества, то такая система принятия решений в принципе может сработать. Но Сорос стоит на позиции свободного выбора ценностей в соответствии с концепцией открытого общества К. Поппера: мыслящие люди сами решают, какие ценности для них истинные [12, с. 130]. Кроме того, он не учитывает, что коллективные решения часто сопровождаются коллективной безответственностью. Без ответов на эти вопросы критика рыночного фундаментализма не может рассматриваться как альтернативная основа институциональных реформ.

Институты как таковые принадлежат к тем условиям хозяйственной деятельности, которые обычно выносятся за рамки непосредственного экономического анализа под рубрикой “при прочих равных условиях”. Об этом писал еще П. Самуэльсон [13], когда подчеркивал, что экономикс не игнорирует важность правил и моральных критериев, а фиксирует их как данность, которую полезно считать неизменной в контексте предельных условий рационального выбора для получения надлежащих аналитических результатов. Несколько иначе ту же мысль высказывал Дж.М. Кейнс [14], когда отмечал, что макроэкономическая модель предполагает четкие и неизменные институциональные ограничения стимулов предпочтения ликвидности, сбережений и инвестиций; в случае изменения этих стимулов и ограничений модель будет уже другой.

Само по себе изменение институциональных правил и стимулов выводит экономическое исследование в сферу онтологической неопределенности: объект теряет четкие границы и, как следствие, возможность удовлетворительного описания в концептуальных и операционных целях субъектов, которые должны принимать ответственные решения. Нужен другой инструментарий моделирования объекта, поведение которого содержало бы более сильную вероятностную составляющую, чем в фиксированных институциональных условиях. Это означает, что институциональные реформы необходимо изучать как особое явление экономической действительности, требующее адекватных теоретических подходов.

Сегодня в исследовании институциональных реформ в экономике можно условно выделить три подхода: описательно-эволюционный (Д. Норт, К. Перес,

Ч. Фримен), эмпирический (Д. Аджемоглу) и аналитический (Ф. Каселли, Н. Дженнайоли). Эти подходы различаются не только инструментами, но и определенными особенностями предметной сферы исследования: описательно-эволюционный подход использует долгосрочные устойчивые результаты или эффекты институциональных реформ; эмпирический – концентрируется на актуальных макроэкономических результатах реформ; аналитический – учитывает изменения предельных условий функционирования рыночных механизмов, в том числе рынка прав контроля и издержек входа на рынок с позиций влияния на эффективность использования ресурсов.

Такие отличия в подходах не исключают, а предполагают глубокое предметное и методологическое единство исследований. Все они в качестве непосредственного предмета рассматривают процесс изменений, а не функционирование хозяйственных систем; исследовательские методы не сводятся к традиционным подходам экономикс, а являются преимущественно институциональными; в выводах они пытаются, по возможности, искать баланс между общим и особенным, между универсальными содержательными характеристиками и специфическими чертами институциональных реформ в отдельных странах и в конкретных исторических условиях.

Реформы в экономике как особый тип институциональных изменений. Общая функция институтов состоит в снятии неопределенности решений экономических субъектов разного уровня, от индивидов и домохозяйств до корпораций и государства. Чем устойчивее нормы и правила, тем больше возможностей для инвестиций и принятия долгосрочных стратегических решений. Поэтому, с одной стороны, изменение институтов – это то, что противоречит природе и социальной миссии институтов как таковых, а с другой – институты всегда отображают прошлое системы, вследствие чего закономерно отрываются от своей деятельной основы. В открытых системах этот разрыв имеет тенденцию к углублению. Универсальной причиной институциональных изменений является технологическое развитие, порождающее новые степени свободы и, соответственно, новые возможности для конфликтных столкновений субъектов и новые потребности в минимизации общественных расходов и снижении потерь от излишней конфликтности в распределении ресурсов.

Институциональные изменения и реформы в настоящее время ограничивают возможности стратегического поведения, вынуждая субъектов выделять время и ресурсы на приспособление к новым правилам. Изменения институтов могут быть как закономерными, так и случайными. К случайным можно отнести деградацию устойчивых институтов под влиянием природных катастроф, войн, технологических скачков. Причины изменений могут лежать как внутри системы, так и за ее пределами; быть как необратимыми, так и обратимыми; как медленными, так и быстрыми.

Если институты согласованы с идентичностью общества либо нейтральны к ней, то они способны сохранять свою структуру и функции в неустойчивой среде. Если институты конфликтуют с идентичностью, они особенно уязвимы к возмущающим влияниям среды. Наиболее согласованны с идентичностью общества и государства эволюционные изменения или эндогенные реформы, отображающие внутреннее перераспределение экономической власти, рыночные и технологические сдвиги в национальной экономике.

Изменения институтов могут быть эволюционными (постепенное развертывание внутреннего содержания во внешние формы как постепенное гетерогенное усложнение) или революционными, скачкообразными, в виде отрыва от предыдущего системного качества институтов и создания нового институционального качества. В любом случае институциональные изменения содержат существенный элемент неопределенности, который проявляется в кратко- или среднесрочных рисках

падения эффективности, а также в рисках долгосрочной стагнации системы. Наибольшим риском институциональных изменений следует признать разрушение идентичности и полную потерю субъектности. Примером последствий реализации такого риска могут служить процессы тотальной социальной деструкции в некоторых странах Экваториальной Африки.

Специфические краткосрочные риски институциональных изменений состоят в возможности подрыва их адаптационных, координирующих и интегрирующих функций. В этом случае система вынуждена либо сразу же стихийно переходить на более низкую ступень равновесия, либо попытаться компенсировать дефицит интегрирующих механизмов другими, менее эффективными социальными инструментами: прямым государственным вмешательством и административным принуждением либо примитивными традиционными формами координации локальных звеньев системы. В странах с трансформационной экономикой проявлением стихийного приспособления к институциональным изменениям, конфликтующим с идентичностью, является рост теневого сектора.

Реформы как особый тип институциональных изменений не принадлежат к эволюционному типу. В соответствии с этой их особенностью, они отягощены всеми проблемами и недостатками скачкообразных институциональных изменений, в том числе риском игнорирования социальных ограничений их скорости, высокой вероятностью конфликта с идентичностью, снижением общей адаптивности и координирующей способности системы.

Как свидетельствует опыт развития украинской экономики за последние 25 лет, процессы реформирования оказывают неоднозначное влияние на эффективность и устойчивость хозяйственной системы. Это связано с рядом эффектов, обычно остающихся вне внимания на стадии принятия решения о целенаправленных институциональных изменениях. Во-первых, разброс траекторий поведения субъектов на некоторое время вырастает, социальная энтропия усиливается вследствие давления на ценностно-подобные институты. Общество и его экономика теряют часть способностей к целостному поведению и согласованным реакциям из-за действия эффекта непредсказуемых последствий. Эту закономерность реформирования невозможно устранить, хотя и можно попробовать ослабить ее воздействие. Об этом наглядно говорит практика пенсионных реформ в большинстве стран, где они проводились или проводятся [15].

Во-вторых, реформы как состояние частичной или общей переходности всегда приводят к снижению текущей эффективности экономической системы из-за конфликта между критериями институциональной лояльности и экономической целесообразности.

В-третьих, происходит дополнительная дифференциация субъектов системы на основе их отношения к реформам, ожидаемым и фактическим результатам. Как следствие, растет конфликтность в распределении ресурсов, доходов и рисков, в механизмах распределения ресурсов и доходов усиливается значение факторов экономической власти.

В-четвертых, увеличиваются трансакционные издержки, что проявляется в создании дополнительных запасов ликвидности, в том числе и теневой, росте коррупции и (или) наращивании коррупционного потенциала.

В-пятых, в результате совокупного действия всей суммы этих факторов растут процентные ставки, снижается институциональное доверие, падает инвестиционный спрос, увеличивается доля теневого сектора.

Перечисленные отрицательные процессы и эффекты наблюдаются до тех пор, пока новые нормы не превратятся в обычные и станут надежным общественным инструментом снятия неопределенности и адаптации. О «срабатывании» проведен-

ных реформ могут свидетельствовать “зеркальные” (по отношению к названным группам проблем реформирования) результаты институциональных изменений.

Во-первых, снижение разброса социальных траекторий, восстановление институционально-структурного фактора принятия решений, взаимная адаптация новых норм и ценностно-подобных институтов, способных оставаться устойчивыми на интервалах, которые, как минимум, не короче продолжительности *K*-цикла институциональной эволюции (50 лет).

Во-вторых, о завершении периода адаптации системы к новым институциональным условиям свидетельствует восстановление ее надлежащей функциональности, показателями которой могут служить рост ВВП, сокращение разрыва между номинальным и потенциальным ВВП, возврат инфляции в область допустимых или приемлемых значений, осязаемое смягчение конфликта между функциональными и институциональными критериями хозяйственного поведения: соблюдение требований новой нормы по уровню выгодности не ниже или выше, чем нарушение нормы либо переход в другую институциональную зону, свободную от требований этой нормы.

В-третьих, норма начинает действовать как субъектно нейтральная: нет субъектов, получающих устойчивую относительную выгоду или несущих устойчивые потери от соблюдения нормы. Это приводит к возврату конфликтности при распределении ресурсов, доходов и рисков в привычные границы. Влияние факторов экономической власти становится устойчивым, то есть не растет.

В-четвертых, трансакционные издержки прекращают рост и возвращаются к дореформенному или, в случае успешных реформ, даже более низкому уровню. Коррупционный потенциал экономики не увеличивается, а лишние запасы ликвидности постепенно инвестируются в доходные активы.

В-пятых, реальные ставки начинают снижаться, инфляция стабилизируется, уровень сбережений и инвестиций растет, экономика переходит на устойчивую траекторию сокращения доли теневого сектора. Внутренний рынок сбалансированно развивается, инновационный спрос растет.

Риски институциональных реформ в экономике являются сложной функцией времени и интенсивности изменений. С одной стороны, реформы не должны быть слишком быстрыми и интенсивными, поскольку названные негативные последствия, приводящие к росту энтропии, будут усиливать свое воздействие, вплоть до возникновения риска фрагментации и распада системы, превысившей свой запас изменчивости. Однако, с другой, излишние проволочки с изменениями могут привести к трагическому опозданию реформ, когда ситуация уже приобрела радикально иные признаки, делающие запланированные реформы абсолютно вредными.

Имманентным риском украинских реформ является усиление факторов внутренней неопределенности в той степени, в которой новые правила конфликтуют с устоявшимися формальными и неформальными нормами, имеющими непосредственную связь с идентичностью. Этот риск может стать неприемлемым при переходе на внешние образцы и стандарты.

Из-за несоответствия между внутренними и внешними институциональными и структурными условиями этап преимущественно экзогенных реформ в Украине характеризуется наличием диспропорций и противоречивыми тенденциями. Внешние институты не могут занять место внутренних, но одновременно способны существенно исказить собственное институциональное поле хозяйственной системы. Неопределенность развития какое-то время будет неизбежно нарастать, что объективно снижает адаптивные возможности экономики.

Одной из проблем экзогенных реформ является риск конфликта с ценностными основами национальной системы институтов. Чаще всего перед государством возникает альтернатива: либо замедление реформ и их максимальная адаптация к

ценностям населения и национальным ценностно-подобным институтам, либо угнетение ценностного иммунитета, в том числе и за счет ощутимого падения уровня жизни и роста общей социально-экономической конфликтности в обществе. В случае выбора последней альтернативы конфликт экзогенных норм с внутренними ценностями населения может затеряться в потоке других конфликтов. Для власти возникает своеобразное “окно Овертона”: население почти не обращает внимания на ценностно неприемлемые нормативные новации, потому что перед ним встают более острые проблемы. Однако при этом закономерно ослабевают внутренняя легитимность государства, что само по себе выступает значительным национальным историческим риском.

В отличие от экзогенных, эндогенные реформы не требуют искусственного угнетения ценностной идентичности населения, поэтому могут, и это подтверждает опыт реформ Дэн Сяопина в Китае, сопровождаться ростом жизненного уровня населения и снижением конфликтности в обществе. В этом случае риски ослабления легитимности и внутреннего суверенитета государства, если они возникают, носят случайный, а не закономерный характер.

Чаще всего реформы оказывают дифференцированное влияние на хозяйствующие субъекты: кто-то выигрывает в краткосрочном периоде от изменения правил, но проигрывает в среднесрочном, а кто-то – наоборот. Эффекты краткосрочного положительного влияния для отдельных субъектов в большинстве своем обусловлены перераспределительными процессами, поскольку для ощутимого и устойчивого роста общественного богатства (при успешных реформах) нужно время. Неопределенности фактическим результатам реформ добавляет фактор ожиданий, ведь 25 лет реформы в Украине по своему совокупному результату приучили домохозяйства и корпоративный сектор к справедливости известного закона Мерфи: все изменения – к худшему. Однако реформы, если они и разворачиваются по такому неблагоприятному сценарию, все равно модифицируют стимулы, мотивации и ограничения субъектов.

Итальянские исследователи Ф. Каселли и Н. Дженнайоли [6] отмечали, что в странах с трансформационной экономикой финансовая реформа и реформа дерегуляции приводят к росту эффективности использования совокупного предпринимательского ресурса экономики. Субъекты с более высоким уровнем профессионализма (меритократы, по терминологии авторов) способны привести фирмы в равновесие в текущем периоде быстрее и с меньшими расходами, чем это могут сделать субъекты с относительно более слабыми предпринимательскими задатками (untalented). Следовательно, их фирмы через канал “рынка прав контроля” (market for control) переходят к более сильным субъектам. Хотя здесь многое зависит от институционального обеспечения механизма перехода финансового и менеджерского контроля в таких структурах.

Слабым местом модели Ф. Каселли и Н. Дженнайоли является игнорирование оппортунистических мотиваций в “меритократии” и возможности использования легальных и нелегальных рейдерских схем, присущих трансформационным экономикам. Учет оппортунистических мотиваций дает возможность введения в субъектную модель системных реформ фактора экономической власти – не только как инструмента, но и как сильного стимула.

Еще одним уязвимым звеном в подходе Ф. Каселли и Н. Дженнайоли является недостаточный учет эффектов своеобразного физического и морального износа предпринимательских навыков и способностей, характеризующихся собственным жизненным циклом. Совокупность социально-психологических, профессиональных и креативных свойств, из которых состоит понятие бизнес-меритократии, носит не безусловный характер, а определенным образом отражает сегодняшнее со-

стояние технологий и институтов. Профессионал, который кроме обязательных навыков наделен историческим ощущением экономики, широкой общей культурой и эрудицией, может не отвечать имеющимся представлениям меритократии об эффективности и профессиональных способностях. Однако изменение технологических и институциональных координат способно привести к обесценению в первую очередь тех профессиональных способностей, которые почти идеально отвечали текущему состоянию экономики. Эти профессиональные активы оказались *чересчур специфическими*, если использовать понятие, предложенное О. Уильямсоном [16]. Поэтому клеймо *untalented*, которым Ф. Каселли и Н. Дженнайоли наделяют сегодняшних аутсайдеров рынка, мало что значит в условиях непредвиденных изменений и эффектов, когда равновесие фирмы имеет меньшую относительную ценность, чем поиск и закрепление нового статуса, требующего широты исторического взгляда и общей культуры.

Глубокие реформы всегда несут в себе риски *бесстатусного* состояния общества и экономики [17] – состояния неограниченного хаоса, всеобщей конфликтности и максимального поиска вариантов для системы. Критерии экономической эффективности по значимости уступают критериям приближения к желаемому устойчивому состоянию с восстановлением роли статусного измерения системы. Можно выдвинуть гипотезу, что бизнес-меритократии издавна присуща способность к креативному оппортунистическому поведению. В этом случае прогрессивные сдвиги в субъектной структуре экономики, как их видят Ф. Каселли и Н. Дженнайоли, будут сопровождаться еще и ростом совокупных трансакционных издержек со всеми возможными последствиями (снижением уровня специализации, падением доверия, ростом расходов на хеджирование соглашений, высокими процентными ставками).

Именно креативное оппортунистическое поведение может считаться устоявшимся признаком первого поколения постсоветской бизнес-меритократии. Поскольку исторические реалии украинских реформ не мешали, а способствовали воспроизводству этих свойств во втором поколении, то ход украинских реформ не мог быть иным: больше реформ – больше коррупции. Противоречивость позиции внешних кредиторов по структуре и полномочиям антикоррупционных институций состоит в том, что кредиторы в реализации антикоррупционных реформ вынуждены полагаться на то распределение экономической власти, которое сложилось в Украине в последние 25 лет. Эндогенные институциональные реформы как альтернатива развитию должны, как минимум, находиться в поле зрения общества и государства. Эндогенные реформы как элемент особой системы национальных экономических мер могут стать важной составляющей политики институционального протекционизма, то есть совокупности действий по обеспечению институциональных предпочтений для национальных производителей, не подпадающих под нормы ВТО. Под влиянием институционального фактора расходы и риски вхождения в национальную экономику для иностранных конкурентов растут. Важным аргументом в пользу эндогенных реформ является учет фактора “издержек контроля”: при прочих равных условиях склонность субъектов к нарушению требований новых норм тем ниже, чем больше эти требования тяготеют к идентичности.

Это способствует надлежащим условиям развития национального производства, технологий, повышает институциональный иммунитет хозяйственной системы по отношению к разрушительным институционально-ценностным тенденциям во внешней среде. В целом поведение национальной экономики в неопределенной глобальной среде становится более целостным, системным и адаптивным, устойчивым к шокам и кризисам эндогенного и экзогенного происхождения. В положительной динамике адаптивных способностей экономики проявляется обоснованность выбранной стратегии перемен.

Институциональная адаптивность является простейшим способом снятия неопределенности функционирования экономических систем и их субъектов. Феномен приспособления означает способность к жизнедеятельности в разнообразных состояниях среды. Адаптивные возможности национальной экономики – это первый уровень субъектности страны. Именно в этих возможностях проявляется экономическая независимость страны, под которой следует понимать ее способность к воспроизводству своей идентичности в условиях неблагоприятных изменений среды и максимального использования благоприятных возможностей. Если экономика не может эффективно и “полуавтоматически” сохранять целостность реакций и функций в условиях неустойчивой среды, она теряет стратегичность поведения и постепенно размывается как субъект.

Адаптивный потенциал экономики состоит из двух компонентов: функционального и институционально-структурного. К функциональной составляющей обычно относят те элементы хозяйственной системы, которые позволяют корректировать спрос и предложение в национальной экономике в соответствии с экзогенными и эндогенными изменениями конъюнктуры, а именно рыночные цены и процентные ставки, налогообложение доходов (особенно в случае прогрессивных ставок налогообложения), плавающие валютные курсы, сальдо платежного баланса, динамика занятости и доходов, инвестиционные решения с учетом доходности и рисков. Эти функциональные механизмы позволяют системе удерживать желаемую траекторию экономической динамики с приемлемыми текущими отклонениями в условиях колебаний внешней и внутренней конъюнктуры. К институционально-структурной составляющей адаптивного потенциала следует отнести те элементы, которые, во-первых, выступают в качестве неявных предпосылок действия функциональных компонентов, а во-вторых, могут компенсировать слишком сильное или несогласованное действие функциональных компонентов.

Одним из признаков недостаточной или неадекватной институциональной адаптивности хозяйственной системы является динамика корпоративных кассовых остатков и внебанковской наличности домашних хозяйств. Рост ликвидности активов корпораций и домохозяйств снижает эффективность их использования, но при этом дает возможность выждать момент, когда неприемлемый уровень неопределенности трансформируется в приемлемый уровень риска. Более общими проявлениями недостаточной институционализации могут служить непредвиденная потеря ресурсов или ухудшение доступа к ним, обесценение ресурсов, рост ресурсоемкости ВВП, усиление общей конфликтности системы вследствие неадекватности ценностных и институциональных ограничений, нарастающие масштабы последствий ошибочного выбора, усиление действий некомпенсируемых рисков, расширение масштабов арбитражных операций. Учащение таких событий свидетельствует о снижении эффективности использования ресурсов и технологий, массовой дезориентации субъектов и уменьшении имеющейся ценности кооперативного поведения. Текущее состояние системы становится в большей степени случайным, нежели детерминированным, снижается роль факторов внутреннего порядка.

Последние 10 лет показали институционально обусловленную уязвимость экономики Украины к неблагоприятным изменениям внешней и внутренней среды. Адаптация экономики к экзогенным и эндогенным шокам происходила путем глубокой девальвации, ускорения ценовой динамики, сокращения ВВП, роста долга, падения жизненного уровня населения. После каждого шока экономика достигала равновесия на более низком уровне и начинала медленный восстановительный рост, который зависел не от национального социально-институционального, ресурсного и технологического потенциалов, а исключительно от динамики внешнего спроса.

Причины такой сильной внешней уязвимости экономики Украины имеют комплексную природу. Часть из них была унаследована от государственно-монополистической модели народного хозяйства СССР. Фактическая способность советской хозяйственной системы к целостному поведению и согласованным стратегическим реакциям на внешнюю среду начала неуклонно снижаться еще в 1970-е годы, что проявлялось в падении темпов экономического роста и отставании от технологического развития стран Запада.

В процессе рыночных реформ в Украине в 1990-х годах скачок от полуавтаркической советской модели к модели, максимально открытой к внешним рынкам, не сопровождался созданием защитных институциональных механизмов, которые вызревали в развитых странах десятилетиями в условиях постепенной либерализации мировой торговли в рамках сначала ГАТТ, а затем ВТО. Размыкание производственных цепочек Украины во внешний мир абсолютно естественно означало преимущественно сырьевую специализацию со всеми ее отрицательными последствиями, но без возможности использования потенциальных преимуществ.

Важным направлением институциональных реформ является построение сбалансированной национальной системы институтов социальной рыночной экономики. Для внешнего наблюдателя признаком надлежащей институционализации экономики является распределение общесистемной неопределенности на риски субъектов и риски системы в целом. Иногда это может иметь вид чрезмерных рисков отдельных субъектов. Система берет на себя только ту часть рисков, с которыми не способны работать субъекты. Системная целостность реакций отдельных субъектов на рост неопределенности обусловлена тем, что они вынуждены ориентироваться на согласованные рыночные критерии риска и доходности, а также соблюдать одинаковые для всех институциональные правила и запреты. Ощутимое снижение кредитных рисков субъектов благодаря сложным финансовым продуктам в начале 2000-х годов не могло не привести к падению адаптивного потенциала из-за усиления системной неопределенности, что проявилось в кризисе 2008–2009 гг.

Отношения между субъектами хозяйствования и государством в процессе институциональных реформ носят противоречивый характер. Важную роль в них играет соотношение между формальными и неформальными составляющими институциональной системы. Именно устойчивые компоненты неформальной составляющей прямо связаны с идентичностью системы и ее субъектов. Если разрыв между ними значительный, а реформы его или фиксируют, или расширяют, то уровень теневой экономики будет очень высоким. Если разрыв незначителен, то уровень теневой экономики будет низким.

Причина отрицательного влияния теневой экономики на экономический рост состоит в высокой ставке дисконтирования будущих доходов, что ведет к уменьшению инвестиций. И наоборот: низкий уровень теневой экономики сопровождается высоким уровнем инвестиций. Наглядный пример – Китай, уровень теневой экономики которого не превышает 12%, а доля инвестиций в ВВП при этом достигает почти 50%. В Украине противоположная ситуация: теневая экономика в отдельные годы равнялась 40% и выше, а объемы инвестиций – не более 30%. Кстати, это вынуждает внимательнее присмотреться к экономическому устройству Китая, которое обычно трактуют как систему, где почти отсутствует экономическая свобода. Согласятся ли с этим китайские бизнесмены?

Рассмотрим расхождения между благоприятными институциональными условиями ведения бизнеса и показателями конкурентоспособности и склонности субъектов действовать в легальных институциональных структурах (табл.).

**Институциональные условия ведения бизнеса
и уровень тенезации экономики в некоторых странах мира ***

Страна	Рейтинг конкуренто-способности	Рейтинг doing business	Рейтинг экономической свободы	Уровень тенезации (%), по оценкам МВФ **
Швейцария.....	1	31	4	6,9
США.....	3	8	11	7,0
Германия.....	5	17	17	7,75
Швеция.....	6	9	26	11,7
Япония.....	8	34	22	8,19
Канада.....	15	22	6	9,4
Южная Корея.....	26	5	27	19,8
Китай.....	28	78	144	12,1
Польша.....	36	24	39	16,7
Азербайджан.....	37	65	91	55,9
Россия.....	43	40	152	33,7
Италия.....	44	50	86	23,4
Латвия.....	49	14	36	25,1
Турция.....	55	69	79	27,4
Грузия.....	59	16	23	53,1
Венгрия.....	69	41	58	20,5
Бразилия.....	81	123	122	35,2
Украина.....	85	80	162	42,9
Греция.....	86	61	138	26,4
Молдова.....	100	44	117	39,7
Аргентина.....	104	116	169	24,9
В среднем по странам мира.....				27,78

* Составлено автором по данным: Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.doingbusiness.org/> и Всемирного экономического форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1>.

** Оценки теневого сектора в разных странах приведены из работы Л. Медины и Ф. Шнайдера [17], использовавших многофакторную модель.

Данные таблицы свидетельствуют о важности фактора идентичности, действие которого проявляется в парадоксах сравнительных оценок результатов реформ в разных измерениях. Рейтингование национальных экономик по разным методикам и критериям показывает, что эти методики не учитывают “эффект идентичности”, когда наблюдатель распространяет собственное видение экономической действительности с присущей ему системой критериев и преимуществ на другие идентичности, чем искажает истинную картину глобальной экономики.

Весьма показателен низкий (31-е место) рейтинг Швейцарии по критерию doing business и один из самых высоких (4-е место в мире) – по степени экономической свободы. Следовательно, высокие позиции страны по рейтингам легкости ведения бизнеса и экономической свободы могут сопровождаться низким уровнем сбережений и инвестиций и высоким – теневого сектора. Примером этого служит экономика Грузии: по рейтингу doing business – 16-е место в мире, экономической свободы – 23-е (намного выше, чем у Швеции и Польши), в то же время уровень теневого сектора достигает свыше 50%. Такая экономика свободна для внешнего наблюдателя и не совсем свободна для ее внутренних субъектов. В результате искажается как общая сумма экономической свободы в мировой системе, так и ее распределение между странами.

Одна из главных причин высокого (42,9% в 2015 г.) уровня теневой экономики в Украине – преобладание экзогенных реформ, слабо связанных с идентичностью страны и ее населения. Это обрекает вектор формальных институтов на расхождение с вектором идентичности. Угол между этими двумя векторами экономической

активности является главной детерминантой, определяющей размер теневой экономики. Эндогенизация реформ – обязательное условие желаемого сокращения в национальной экономике удельного веса теневого сектора.

Учитывая исключительную важность эндогенных экономических институтов, не следует пренебрегать возможностями спонтанного саморазвития гражданского общества и институционализации жизнеспособных форм интеграции и взаимодействия субъектов общественной и хозяйственной деятельности. Синдром неприятия всего спонтанного и неподконтрольного, отображающий советские корни менталитета определенной прослойки политических деятелей и государственных служащих, постепенно преодолевается, хотя и не такими темпами, какими усиливается фундаментальная неопределенность функционирования государства и общества.

Выводы

Реформы имеют собственное содержание, которое в исследовании их влияний на экономику нельзя сводить только к внешним проявлениям или внутренним основам. Не менее опасна – в концептуальном и практическом отношениях – их трактовка как “черного ящика”, ограничивающего теоретический анализ реформ фиксацией и систематизацией их макроэкономических и социальных оснований и последствий.

Если критерием качества реформ является степень их радикальности или болезненности для населения, то не следует удивляться их фактическим результатам. Желаемые для общества результаты реформ можно получить в случае их тщательной подготовки, надлежащего концептуального обоснования, формирования адекватных инструментов и социально-экономических индикаторов их реального воплощения на всех этапах реализации. Целью мониторинга реформ является удержание экономической системы в пределах допустимых ценностно-институциональных разрывов, минимальных углов расхождений между векторами ценностно приемлемого и формально легального хозяйственного поведения с помощью оценки динамики теневого сектора.

Институциональные реформы в Украине оказывают неоднозначное влияние на текущую и долгосрочную эффективность экономики. Недостаточное внимание к рискам чрезмерной экзогенизации развития, пренебрежение имеющимся ценностно-институциональным потенциалом адаптации к неустойчивой глобальной среде снижают уровень реальной субъектности экономической системы Украины, мешают достижению национального компромисса в отношении целей экономической эффективности и социальной стабильности. Именно реальная субъектность страны должна быть одним из главных критериев выбора приоритетов развития экономики и общества. В идеале Украина должна стать субъектом полной ответственности за свой сегодняшний день и за свое будущее. Стихийное сокращение сферы суверенного выбора под влиянием экзогенных реформ будет и в дальнейшем перегружать экономическую систему Украины экзогенной неопределенностью. Полагание на внешнюю неопределенность как привлекательную альтернативу внутренней неопределенности – опасный выбор.

Постепенные шаги к новой идеологии экономического суверенитета в Украине обязательно предусматривают национальную стратегическую модель институциональных реформ, которая должна содержать следующие направления: реформы, заполняющие институциональные пустоты и нацеленные на обеспечение достаточного уровня экономической свободы и институционального доверия в экономике; реформы, нацеленные на обеспечение оптимальной мобильности ресурсов посредством содействия эффективности их использования, технологической восприимчивости и структурной гибкости экономики; реформы, обеспечивающие эффективную трансформацию системной неопределенности в риски отдельных субъектов, что создает условия для инновационного развития и придания системе достаточной устойчивости в неопределенной глобальной среде; реформы, содей-

ствующие социальной адаптации экономики, что является обязательным условием устойчивости системы на средних и долгих интервалах.

В момент интенсивных изменений страна теряет часть своего институционального иммунитета, становится аномально открытой для внешних деструктивных влияний. Презумпция доброжелательности внешних инстанций (в том числе и кредиторов) как принцип отношений с внешним миром должна иметь очень ограниченную сферу влияния на национальные стратегические решения. Учет национального исторического контекста – важная предпосылка понимания влияния реформ на экономическую систему. Если реформы, согласованные с исторически сформировавшейся ценностной идентичностью населения, фиксируют или продолжают эволюционные изменения в ценностно-подобных институциональных структурах общества, то они имеют относительно большую вероятность стать успешными, то есть обеспечить ощутимый рост общественного богатства и национальной конкурентоспособности, развитие технологий и дальнейшую социализацию экономики.

Список использованной литературы

1. *Perez C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. – London : Elgar, 2002. – 224 p.
2. *Alesina A., Ardagna S., Trebbi F.* Who Adjusts and When? On the political economy of reforms / Harvard Institute of Economic Research // Discussion Paper Number 2108. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University, 2006.
3. *Blyth M.* Great Transformations: Economic ideas and institutional change in the twentieth century. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – xii + 284 p.
4. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений : моногр. ; [пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана]. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
5. *Acemoglu D., Robinson J.* Persistence of Power, Elites and Institutions // American Economic Review. – 2008. – Vol. 98. – No. 1. – P. 267–293 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.98.1.267>.
6. *Caselli F., Gennaioli N.* Economics and Politics of alternative institutional reforms // The Quarterly Journal of Economics. – 2008. – August. – Vol. 123. – Iss. 3. – P. 1197–1250.
7. *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. – NY : Norton & Company, Inc., 2010. – 337 p.
8. *Hall P.* Historical Institutionalism in Rationalist and Sociological Perspective [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.researchgate.net/publication/228383364>.
9. *Coelho M., Ratnoo V., Dellepiane S.* Political Economy of Policy Failure and Institutional Reform [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.institute-forgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/Political%20Economy%200A%20Review%20of%20the%20Literature%2012012015%20Final.pdf>.
10. *Коломієць Г.М.* Невизначеність розвитку господарчих систем і їх реформування : моногр. – Х. : Вид-во Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2004. – 256 с.
11. *Posen A.* The Post-American World Economy. Globalization in the Trump Era // Foreign Affairs. – 2018. – March/April. – Vol. 97. – No. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/post-american-world-economy>.
12. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности ; [пер. с англ.]. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 262 с.
13. *Самуэльсон П.* Основания экономического анализа ; [пер. с англ. В.Г. Блиновой и др. под ред. П.А. Ватника]. – СПб. : Экономическая школа, 2002. – 604 с.
14. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег / Избранные произведения ; [пер. с англ.]. – М. : Экономика, 1993. – 541 с.

15. Boeri T., Tabellini G. Does Information Increase Political Support for Pension Reform? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dklevine.com/archive/refs478482800000000244.pdf>.

16. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки и “отношенческая” контрактация. – СПб. : Лениздат, 1996. – 702 с.

17. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М. : Наука, 1983. – 277 с.

References

1. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. London, Elgar, 2002.

2. Alesina A., Ardagna S., Trebbi F. Who adjusts and when? On the political economy of reforms. Harvard Institute of Economic Research. Discussion Paper Number 2108. Cambridge, Massachusetts, Harvard University, 2006.

3. Blyth M. Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

4. North D. *Ponimanie Protsessa Ekonomicheskikh Izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change]. Moscow, PH of SU-HSE, 2010 [in Russian].

5. Acemoglu D., Robinson J. Persistence of power, elites and institutions. *American Economic Review*, 2008, Vol. 98, No. 1, pp. 267–293, available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.98.1.267>.

6. Caselli F., Gennaioli N. Economics and politics of alternative institutional reforms. *The Quarterly Journal of Economics*, 2008, Vol. 123, Iss. 3, pp. 1197–1250.

7. Rodrik D. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. NY, Norton & Company, Inc., 2010.

8. Hall P. Historical institutionalism in rationalist and sociological perspective, available at: <https://www.researchgate.net/publication/228383364>.

9. Coelho M., Ratnoo V., Dellepiane S. Political economy of policy failure and institutional reform, available at: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/Political%20Economy%20%20A%20Review%20of%20the%20Literature%2012012015%20Final.pdf>.

10. Kolomiets' G.M. *Nevyznachenist' Rozvytku Hospodarchykh System i ikh Reformuvannya* [Uncertainty of Development of Economic Systems and their Reform]. Kharkiv, PH of V. N. Karazin Kharkiv National University, 2004 [in Ukrainian].

11. Posen A. The post-American world economy. Globalization in the Trump era. *Foreign Affairs*, March/April 2018, Vol. 97, No. 2, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/post-american-world-economy>.

12. Soros G. *Krizis Mirovogo Kapitalizma. Otkrytoe Obshchestvo v Opasnosti* [Crisis Of Global Capitalism: Open Society Endangered]. Moscow, INFRA-M, 1999 [in Russian].

13. Samuelson P. *Osnovaniya Ekonomicheskogo Analiza* [Foundations of Economic Analysis]. SPb., School of Economics, 2002 [in Russian].

14. Keynes J.M. *Obshchaya Teoriya Zanyatosti, Protsenta i Deneg. Izbrannye Proizvedeniya* [The General Theory of Employment, Interest and Money. Selected Works]. Moscow, Ekonomika, 1993 [in Russian].

15. Boeri T., Tabellini G. Does information increase political support for pension reform?, available at: <http://www.dklevine.com/archive/refs478482800000000244.pdf>.

16. Williamson O. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki i "otnoshencheskaya" kontraktatsiya* [Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets and Relational Contracting]. SPb., Lenizdat, 1996 [in Russian].

17. Turner V. *Simvol i Ritual* [The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual]. Moscow, Nauka, 1983 [in Russian].

*Статья поступила в редакцию 20 августа 2018 г.
The article was received by the Editorial staff on August 20, 2018.*